

Оборотничество в русской волшебной сказке

Тема оборотничества людей в животных, растения и неодушевленные предметы широко представлена в различных жанрах русского фольклора. Волшебная сказка не является исключением. Герой сказки, его помощник или противник часто оказываются оборотнями.

Тема магической перемены облика человека и животного разработана в сказках различно и представлена во многих вариантах. В процессе работы над определением мифологических аспектов этого явления, опираясь на сказочные тексты, мы разбили исследуемый материал на группы в зависимости от типа сюжета, героев и их функций. Мы получили следующую классификацию:

I группу составили персонажи, которые являются оборотнями по собственному желанию или по принуждению. Это:

- 1.1 Супруги-оборотни.
- 1.2 «Заклятые», то есть превращенные в животное кем-то.
- 1.3 «Лесные братья», представленные солдатом-оборотнем, изгнанным мужем и непосредственно «лесными братьями»
- 1.4 зятя-оборотни;
- 1.5 Серый волк;
- 1.6 оборотни-вредители;
- 1.7 дети-оборотни.

II группу составляет превращение героев на очень короткий срок в неодушевленные предметы.

К III группе мы отнесли оборотничество как способ бегства:

- 3.1 от нелюбимого мужа;
- 3.2 при насильственном увозе из родных мест;
- 3.3 из тридцатого государства, обычно от водяного.

В IV группу мы включили оборотничество как состязание в магической силе между колдунами, учителем и учеником.

После анализа всех предложенных выше типов превращений мы рассмотрим сам процесс оборотничества: где, как, при каких условиях он осуществляется, что этому способствует.

В данной статье мы попытаемся определить, как древние мифологические представления славян проявились в образах супругов-оборотней и «заклятых» героев, превращенных кем-то в животных.

- 1.1. Супруги-оборотни.

Чаще всего финалом волшебной сказки является свадьба героев. Иногда главный герой женится в начале повествования, но потом вынужден искать свою суженую или суженого, добывать утраченное с исчезновением супруга счастье. Сказок с таким сюжетом немного, их отличает общность композиции и качеств героев. Супруги имеют необыкновенный вид: женщины – лягушек, мужчины – соколов или собак, от которого избавляются по ночам.

Рассмотрим сначала образы супруг-оборотней. В сказках «Царевна-лягушка» (а именно так они называются во всех сборниках) Иван-царевич выбирает себе в жены лягушку: «...а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягуша в зубах» (Аф. N 267), «Раздаются волны, в зубах несет она его стрелу, Марья –царевна- лягушечонка» (Аф. N 269). Он приносит её из леса, из болота. По ночам будущая супруга меняет свой вид, оборачивается красавицей, что «ни в сказке сказать, ни пером описать»: «Лягуша ползает по полу, только квакает, как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила кожу, сделалась красной девицей» (Аф. N 267), «Вот стали они ложиться спать, лягушка скинула свою лягушачью кожурилку и стала человеком» (Аф. N 268). Девушка с успехом справляется с царскими задачами: испечь хлеб, вышить ковер или по паре белья, сплясать. Однако, Иван-царевич лишается своего счастья, нарушив запрет – он сжигает лягушачью кожу, и красавица исчезает. «Отыскал там эту лягушачью шкуру и сжег ее на огне» (Ник. N 55), «Иван-царевич поехал наперед, нашел там где-то кожух, взял его да и сжѐг.-«Ну, Иван-царевич, немного ты не потерпел, твоя бы я была, а теперь бог знает. Прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве».- И не стало царевны»(Аф. N 267), «Муж её взял эту кожурилку и бросил в печь. Кожурилка закурилась. Лягушка учуяла, схватила её, осерчала на мужа и говорит: «Ну, Иван-царевич, ищи ты меня в седьмом царстве. Железные сапоги износи и три железных просвиры сгложи!» Спорхнула и улетела» (Аф. N 268).

Герой отправляется в тридесятое государство или остается дома до возвращения жены. Нередко, чтобы вернуть её назад, требуется хитрость и волшебство. Так, в одной из сказок, героине дают съесть волшебную лепешку, а в другой – лягушка (Елена Прекрасная) оборачивается веретеньшком, и, чтобы вернуть её к первоначальному облику требуется выполнить ряд условий: «Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретеньшко и переломил по сказанному, как по писанному, кончик бросил за себя, а корешок перед собой. Вдруг и очутилась Елена Прекрасная» (Аф. N 267).

Тот же принцип соблюдается и в сказках, где супругом является человек в обличи зверя или птицы. Отличием является лишь то, что девушка знает о существовании Финиста Ясна Сокола и просит отца привести его перышко. Почему перышко, а не саму птицу? По представлениям первобытного человека, тот, кто владеет какой-либо частью человека или животного (в данном случае, пером), имеет власть над ним. Эта часть заключает в себе целое: «Пришла она в свою горницу, открыла коробочку – перышко Финиста, ясна Сокола тотчас вылетело, ударилось об пол и явился перед девицей прекрасный царевич» (Аф. N 234). Девушка распоряжается им: «Полетай, мое перышко, во чисто поле; погуляй до поры до времени». – Перышко обратилось ясным соколом и улетело в чистое поле (та же сказка), но только до тех пор, пока кто-то (отец или завистливые сестры) не «набрали острых ножей да иголок и натыкали на окна красной девицы. Ночью прилетел Финист, ясный Сокол, бился, бился – не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал» (Аф. N 234). В сказке «Аннушка-несмеянушка» (Худ. N 40) собачью шкуру жениха сжигают: «Вот легли они спать, а тут её тесть на конное окно ножей натыкал, сам взял печку затопил да его шкуру то и сжег... он в окно прыгнул, анды всю себе грудь и распорол на ножи-то. А сам взял да ушел». Жена отправляется за суженым в тридешатое царство, но возвращение мужа дается нелегко: он уже женат, и поэтому девушке приходится покупать ночи с ним за волшебные предметы, которые она приобретает по дороге.

Анализ мифологических основ этих образов, которые являются, по нашему мнению, аналогичными друг другу, представляет некоторые затруднения. Существует мнение, что царевна-лягушка или финист – тотемы. Но тогда непонятно, почему же они исчезают, и героям приходится их искать в тридешатом государстве, которое очень похоже на загробный мир? Более того, в некоторых сказках герои определяют срок ношения звериной шкуры или срок их отыскания: «Я... наказана три года носить лягушачью шкуру и жить в болоте, а ты её сжег, мне приходится от вас удалиться до изживания моего срока в болоте, после чего я вернусь к вам» (Ник. N 55), «Ну, прощай... Ищи меня через три года» (Худ. N 40). И почему в ином месте пребывания, уже будучи женаты, герои женятся или выходят замуж вновь?

Нам представляется, что лягушка, сокол, собака – не тотемы, а маски. Эти образы сохранили в себе отголоски некогда существовавшего института лесных домов, где проживали посвящаемые в члены племени. Жениться в клане разрешалось только после прохождения обряда, но в сказках люди-маски вступают в брак до посвящения (скорее всего, сказка закрепила уже разложение этого обычая). Иметь семью в пле-

мени в этот период не разрешалось, поэтому после нарушения запрета и разоблачения оборотни исчезают.

При прохождении инициации посвящаемые символически умирают, перестают быть людьми, становятся животными (чаще, тотемами), для чего облачаются в шкуры и надевают маски. Когда шкурка сжигается, человек просто превращается в ничто, у него нет тела, поэтому он не может жить среди людей и уходит в царство мертвых. На то, что оборотень пребывает на том свете, указывают вещи, которые берет с собой супруг, отправляясь на поиски – железные башмаки, чугунные посохи, каменные или железные просвиры, а ведь покойникам в «дальнюю дорогу» еду, обувь, средства, способствующие передвижению – все это элементы похоронной обрядности. Материал, из которого они изготовлены говорит о длительности предстоящего пути: ведь изгрызть камень или износить железо быстро просто невозможно. «Друг мой изменщик! Я, говорит, три года ходила, три костыля избила, три просвирочки изгрызла, трои башмаки избила» (Худ. N 40). Кроме того, Финист не узнает прибывшей невесты, а по поверьям древних, на том свете все одинаковы, все безличны: «Сели ужинать; красная девица подает на стол кушанья да все на него смотрит, а он, добрый молодец, и не узнает её» (Аф. N 234).

Птица, лягушка – существа хтонического мира. По представлениям первобытного человека, в эти существа превращается умерший. По некоторым поверьям, лягушки – это умершие люди. Исключение составляет образ мужа-собаки. В погребениях, а точнее святилищах с жертвенниками, археологи находят останки этого животного. Рыбаков Б.А. предполагает наличие славян культа собак, почитания их как священных животных, которые, может быть, являлись прообразом позднейшего Симаргла, небесного пса, охраняющего посевы.¹ Скорее всего, здесь образ собаки есть отголосок тотемистических представлений наших предков. Человек после смерти при обряде инициации превращался в животное-тотема – собаку (а может быть, собака замещает здесь волка, который был тотемом еще до того, как собака была приручена).

Примечателен и тот факт, что мужья-оборотни являются к женам не через дверь, а через окно. Более того, когда в окно понавтыкали иголок и ножей, они не могли войти в дом. Почему? Общеизвестен тот факт, что для того, чтобы колдун не смог пройти в помещение или из него выйти, в притолоку или дверь необходимо воткнуть иглу или нож. Колдун – человек, находящийся между мирами: нашим и загробным, он может общаться с духами, мертвецами, нечистой силой, которая также связана с подземным миром. Вполне возможно, что острие ножа

(чтобы стать оборотнем, то есть поменять свой облик на животный, по поверьям, необходимо перекувырнуться через воткнутый в землю или пень нож) или иглы создают непреодолимую грань между мирами, перейти которую существо, связанное с миром мертвых, не может. Пропп В.Я. в «Исторических корнях волшебной сказки» отмечает, что «эта деталь отражает некоторые черты древнего похоронного обряда»,² но, к сожалению, не расшифровывает какого именно. Скорее всего, это делается для того, чтобы душа покойника не вернулась к живым и не смогла им вредить.

Итак, супруги-оборотни представляют собой мертвецов в животном – лягушачьем, соколином, собачьем – виде. Но тогда можно сказать, что обряд инициации и «лесной дом» здесь совсем не причем. Однако, герои, все же, посвящаемые. Во-первых, они имеют звериный облик, во-вторых, они пребывают в ином мире несколько лет. Кроме того, интересно и то, какие умения выносит на суд свекра царевна-лягушка. Это хозяйственные навыки: умение готовить, шить и, наконец, умение танцевать. Танец ее необычен: «...уж она плясала, плясала, вертелась-вертелась – всем на диво! Махнула правой рукой – стали леса и воды, махнула левой – стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала – ничего не стало». (Аф. N 267). Ее танец – ничто иное, как ритуальная пляска, воссоздающая миф о создании мира с животными, растениями и водой. А ведь во время прохождения обряда посвящения девушек, помимо прививания им навыков ведения хозяйства, им рассказывались мифы и показывались ритуальные пляски.

Мы уже отмечали и ту деталь, что герои женятся в ином мире, а, как известно, в лесных домах девушки и юноши создавали временные семьи. В одной из сказок даже упоминается о том, что жених не принадлежит к нашему миру: «Она [Елена Прекрасная] уж стала забывать тебя, выходит замуж за другого: скоро свадьба!.. [Елена Прекрасная и Иван-царевич убегают] Он [жених] ступай-ко за ними в погоню, гнал-гнал, только сажень десять не догнал: они на ковре влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился...» (Аф. N 267). И, наконец, герой находит суженую либо у Кошеч (Кошей – божество подземного мира), либо у Бабы-Яги, которая напрямую связана с обрядами инициаций и институтом мужских домов.³

Как мы видим, в супругах-оборотнях этого типа отразились архаические представления о пребывании человека в теле животного после смерти при обряде инициации, пройдя который, посвящаемый возвращается к первоначальному, человеческому облику.

С тотемистическими воззрениями связан другой тип супругов-оборотней. Он характерен для сказок типа «Пойди туда, не знаю куда,

принеси то, не знаю что». Девица-птица (горлица, утка, соколица) дает своему мужу великое счастье, удачу на охоте, богатство. Суженая находится в лесу в облике птицы: «зашел он [Федот-стрелец] в темный густой лес и видит: сидит на дереве горлица» (Аф. N 212); «Каждый день ходил этот человек на охоту и приносил по три птицы... Идет и видит: плавает в реке одна уточка» (Худ. N 69); «...смотрит, сидит на лесине соколица» (РНС N 40). Герой берет ее домой, где птица превращается в девушку: «...горлица положила свою головку под крылышко и задремала; стрелок поднял правую руку, ударил её наотмашь легохонько – пала горлица наземь и сделалась душой-девицей» (Аф. N 212); «Вот когда стал чай пить, положил её на окно, потом бросил за окно. И там образовалась девушка, что цветок» (РНС N 40). Жена оказывается не только красивой, но и хитрой: она обладает вещим знанием, все знает наперед, у нее есть волшебная книга и «два неведомых молодца», выполняющих любое ее желание. Кроме того, мать птицы-девицы – владычица зверей и птиц, гадов и рыб морских: «Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, и вдруг – откуда только взялись! – набегали всякие звери, налетели всякие птицы» (Аф. N 212). Жена – искусница: она необыкновенно вышивает ковры: «И этот ковер был так расписан: на нем был лес, реки, озера, море, птицы, рыбы и все на свете» (РНС N 40). С некоторой долей достоверности можно заявить, что мать и дочь – не только покровительницы охоты, но и устроительницы Вселенной. Магические знания и способности жены помогают ее супругу выполнить самые трудные задачи царя: поймать свинку-золотую щетинку, овечку-золотую головку, привести оленя-золотые рога. Это еще раз подтверждает мысль о том, что женщина-птица – покровительница зверей, имеющая над ними власть.

В отличие от предыдущего типа супругов-оборотней, эта не теряет способности оборачиваться птицей и после замужества. Так, «красавица усмехнулась, ударилась об пол, обернулась горлицей и улетела в окно» (Аф. N 212), когда к ней начал приставать король государства. И пока не было мужа она «все время по лесам да по рощам сирой горлинкой летала».

На создание образа птицы-жены повлияло древнее представление, характерное для эпохи охотничьего производства, на возможную связь с женщиной, которая является тотемом, а значит, будет покровительствовать охоте, так как имеет способность управлять животными. Образы утки, горлицы, соколицы, скорее всего, указывают на наличие сугубо женского тотема (историки-этнографы отмечают наличие половых тотемов у первобытных племен), недаром в других жанрах фольклора, например, в песнях, женщины часто называются лебедушками.

Таким образом, мы видим, что в магической перемене облика одного из супругов заключены представления о птице-тотеме, покровительствующей охотнику, а также представления о посмертном пребывании в животном облике при обряде инициации и проживании в лесном доме.

1.2 «Заклятые» герои-оборотни.

Заклятые – это герои волшебной сказки, превращенные в зверей или птиц злой волей нечистого, Кощея Бессмертного, ведьмой или злой женой (ведьму в поздних сказочных вариантах замещают завистливая мачеха или свекровь): «Я – царская дочь; похитил меня нечистый и сделал берёзою. А три сокола – мои родные братья; хотели они меня выручить да сами попались». (Аф. N 275); «А ведьма ещё пуще злится, зависть ей покоя не дает; улучила она время, обратила свою падчерицу зверем Арьсь-поле и выгнала в дремучий лес» (Аф. N 266); «...а жена в это время схватила кочергу и ударила его по голове...Вдруг молодец свернулся псом и побежал на улицу вон от жане» (Ник. N 110). Заклятые либо имеют срок, либо являются бессрочным.

Рассмотрим первый тип заклятый, т.е. тот, который имеет срок. Итак, герои – как мужчины, так и женщины – имеют звериный облик (только в сказке «Береза и три сокола» девушка превращена в березу): орла, сокола, медведицы, змеи. В сказке «Заклятый царевич» (Аф. N 276) имеет вид чудища – «безобразного крылатого змея с тремя головами».

Заклятые снимаются выполнением некоторых условий: один год кормить – в сутки барана и «дать три пота», вытряхивая из шкуры орла (РНС N 46); переночевать в замке три ночи (Аф. N 272); полюбить и поцеловать («Заклятый царевич»); семь лет носить на шее змею и еще семь лет прожить в оловянном царстве «безвыходно» (Аф. N 270).

Герой или героиня, избавляющий несчастных от заклятья, проживают в замках, пустующих днем, в которых только к ночи прибывают звери. «Въехали они в оловянное царство. В ту же минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой девицей и с глаз пропала – словно её и не было» (Аф. N 270); «Вот и смерклось; купеческая дочь вошла в спальню, хочет спать ложиться. Вдруг зашумел буйный ветер, и явился перед нею трехглавый змей» (Аф. N 276).

По окончании срока заклятия, т.е. выполнения всех условий по его устранению, герои женятся или братуются, как в сказке «Орел-царевич и его сын»: «Вытряс он [Иван-купеческий сын] его из этой кожи, стал орел молодец перед ним. «Ну, теперь побратуемся». В этой сказке Орел-царевич становится не только братом, но и зятем героя. От брака с сестрой Ивана рождается сын, обладающий необыкновенными спо-

способностями и огромной физической силой, что помогает ему справиться с Кощеем.

Перед нами сильно трансформированные героини-тотемы, а если быть более точным, героини-маски, находящиеся в лесном доме, о котором говорилось в предыдущем пункте. Заклятье есть ничто иное, как объяснение животного облика, придуманное сказочниками, поскольку смысл обряда и тотемистических представлений уже утратился. Если мы соберем воедино все компоненты, которые разбросаны по этим сказкам, то получим следующую картину. Героиня-оборотень живет в лесу, отдаленном замке или у нечистого – признаки иного мира; в доме, который пустует днем, но в котором всегда есть еда и питье – умершие не видны днем, их время – ночь. Они имеют звериный или птичий облик – шкуры и маски тотемов, в которые облачались посвящаемые; этот облик сохраняется в течении 7, 14 лет или трех дней и трех ночей, а известно, что в ином мире время течет иначе, и один день может быть равен одному году. По истечении этого срока происходит избавление от животного вида: «Переночевал и третью ночь, поутру является к нему королева красоты неописанной» (Аф. N 272); «...семь лет окончилось – избавил ты меня от конечной гибели. Знай же: я – королевская дочь» (Аф. N 270); ««Вот трясина меня за уши до тех пор, куда у тебя руки, ноги опустятся»... Вытряс он его из этой кожи, стал орел молодцем перед ним» (РНС N 46). И, наконец, свадьба героев – прошедшие обряд женились в племени. На тотемные качества, а они всегда превосходят человеческие, указывают сильные и здоровые потомки (РНС N 46). В сказке «Царевна-змея» девушка имеет волшебные средства – бочонок и меч-саморуб – которые помогают справиться с неприятелем ее будущему мужу. Скорее всего здесь отразились понятия о том, что жена-тотем (а тотем всегда передавался по женской линии), обладая чудесными способностями, во всем помогает своему супругу.

С иными архаическими представлениями связаны превращения супругов в животное ведьмой или мачехой. Женщина превращается либо в рысь (Арысь-поле), либо в птицу, чаще всего водоплавающую, и только в одной сказке – в рыбу и лягушку: «Разделась она, мачеха её стала венником парить, стала бить, да приговаривать: «Чтоб тебе отныне и довеку рысью бегать!» Она и убежала от неё в поле; бегают она по полю рысью» (Худ. N 16); «Волшебница привела к себе в баню царицу, обратила её в золотую утку и пустила по белу свету» (Худ. N 71); «Царевна скинула платье, и только легла на перину – нянька ударила её слегка по белому телу, и сделалась Марья-царевна серой утицею» (Аф. N 264).

Скорее всего, перед тем, как быть обернутыми, царевны были убиты. Об этом говорят некоторые сказки, например, «Брат с сестрой» (Худ. N 116): «Она [царевна] высунулась побольше, она её в море и пихнула. Она утонула там, сделалась золотой рыбкой и поплыла»; или в сказке «Муж с женой» (Худ. N 96) утопленная по совету лешего жена приходит к мужу в виде лягушки: «И надо было ему ехать через мост в город через реку. Как только он едет, жена обернулась в лягушку и кричит: «Ква, ква, ква! Отдай моего сына!» В этих превращениях отразилась вера первобытного человека в изменение облика умершего в птицу или зверя, ребе – в рыбу. Почему именно в птицу, и не простую, а водоплавающую? Почему зверем, в которого превращается женщина, оказывается в рысь?

Вспомним те факты народной веры, о которых мы говорили раньше. Человек осознавал мир в трех измерениях: верхнем, среднем и нижнем. Нижний мир – царство мертвых, оно связано с водой. Река, море, озеро – граница между мирами. Вполне возможно, что в период охотничьего производства, такой границей был лес, поэтому умерший превращается в рысь, а в одной из сказок Ончукова – в оленя.

Водоплавающая птица – в частности, утка – является посредником между подземным, связанным с водой, и земным, в котором живут люди и животные, растут травы, мирами, так как она может и плавать, и летать.

Очень интересно место превращения – баня – и время – обычно после родов женщины: «пошла мачеха в баню с падчерицей, вместо неё из бани послала с младенцем свою младшую дочь, а Елену превратила в оленя» (Онч. N 154); «Ну, она бабила младенца [Егибиха], с ей в байну ходила, а эту Соломаниду туды к водяникам и отпустила, а свою дочь на место» (Онч. N 128). В некоторых сказках превращение происходит незадолго до или чуть позже родов. Почему на рождении младенца сказка всегда делает акцент?

В этот период женщина более уязвима, это переходный период, когда она из просто женщины становится матерью. Этот процесс всегда был окружен некоей тайной для древнего человека. Необъяснимого разумом человек боится всегда, а этот процесс он объяснить не мог, поэтому женщина в этот период считалась неприкасаемой (даже в христианстве только по прошествии определенного срока роженица может появляться в церкви). Нередко рожениц отделяли от остальной семьи: они рожали в бане, где и находились в течение некоторого времени после родов. Переходные периоды, по мнению наших предков, отмечаются изменением состояния, вплоть до перемены облика (жизнь – смерть, в инициациях – переход от юношества к мужской ипостаси). В

это время человек связан с другим миром, позже – с потусторонними, нечистыми силами, наконец, с хтоническим миром – миром мертвых, которого боялись. Баня, помимо помещения для насущных потребностей, считалась нечистым местом. На этом месте никогда не строили жилых домов. Почему? Исследователи отмечают лишь факт, но не дают объяснения. Нам кажется, в этом случае необходимо отметить связь бани с водой – в ней моются, а вода – не только источник жизни, но и проводник в царство мертвых. С мертвецами баню соединяют и поверья о навьях – злобствующих мертвецах, имеющих птичий облик. Для них в великий четверг топили баню, оставляли воду и еду, тем самым, задабривая их и уберегая себя от неприятностей.⁴ В банях гадают на Рождество и Святки – время разгула нечисти. Поэтому баню можно считать местом соприкосновения двух миров: нашего и загробного, местом, где тонка грань между ними. Переход в иной мир предполагает и иной вид – человеческий меняется на животный – птичий или звериный.

Поскольку граница между мирами сведена до уровня метаморфозы, возвращение назад не составляет труда, поэтому оборотни опять меняют свой облик на человеческий. Единственную сложность составляет окончательное приобретение человеческого облика. Иногда достаточно просто поймать птицу или уже девицу и удержать: «Как она [царица] обернулась на кровати, он её и схватил, и, как она не перекидывалась и рыбой, и щукой, он её не выпускал, ну, она и осталась» (Худ. N 116); «...бросился царевич и захватил оленицу, оленица билась, билась и не могла вывернуться... Пастух представил рожок к уху и заиграл, оленица превратилась в змею, взял пастух змею за хвост и бросил за себя, змея превратилась в росомаху и бросилась на царевича, а царевич накинуд на росомаху крест, и стала Елена» (Онч. N 154). Иногда необходимо произнести заклинание: «Взял он [князь] её за крылышко и говорит: «Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!» – Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в ней князь узнал молодую княгиню» (Аф. N 265). А иногда и сжечь шкурку зверя или птицы: «Он [муж] подкрался из-за кустов, схватил шкурку и спалил её... Шкурка сгорела, Арысь-поле приняла прежний вид» (Аф. N 266). По поверьям славян, если унести или уничтожить человеческое платье оборотня, то он уже не в силах будет «восстановить свой прежний образ и останется навсегда зверем».⁵ Раз существует такое представление, то можно предположить следующее: если сжечь шкурку оборотня-зверя, то он останется человеком.

Итак, оборотничество молодых женщин, превращенных в животных злой волей волшебниц, зиждется на представлениях о возможности изменения облика человека после смерти на животный и возвращении из подземного мира, характеризующееся также изменением внешнего вида, теперь уже на человеческий.

Если этот тип превращений характерен только для женщин, то для мужчин характерно превращение в собаку. Рассмотрим его подробнее.

Разозленная жена или теща оборачивает мужа ли зятя собакой: «Жонка схватила со стола чашку с водой, плеснула ему на рыло и говорит: «ну, когда ты узнал мою тайну, так будь собакой». Муж сделался собакой, она взяла палку и погнала его вон» (Онч. N 247); ««Ах, ты, – говорит, – какой мальчишка! Стал оспаривать меня!» Топнула ногой: «Не быть тебе, – говорит, – молодцом, быть тебе, – говорит, – пестрым кобелем!» – Вот так он сделался кобелем».⁶

Пребывая в собачьем облике, мужчина внутренне остается человеком, «а мысли у его человеческие»; он служит людям: пасет скот, спасает имущество хозяев и их детей. Нередко он повторно оборачивается в птицу: «Серко забежал в избу, а жена его и узнала. Вдруг схватила эту же кочергу и корчнула этого Серко и приговорила: «Ты, говорит, был псом, а сейчас быть воробьем». Вдруг этот воробышек звернулся да шолк в околицу» (Ник. N 110); «...выходит жена с палкою, ударила меня по спине и говорит: «Ну, бегал ты чёрным кобелем, а теперь полети дятлом!» Обернулся я дятлом и полетел по лесам, по рощам» (Аф. N 254).

Возвратиться к человеческому облику ему помогает другой колдун или знахарь: «А ихний отец был сам знахарь; тотчас узнал, что я человек, не птица; вынул меня из клетки, посадил на ладонь, дунул на меня – и обернулся я по-прежнему, мужиком» (Аф. N 254); «Дочь [колдунья] посмотрела на собаку, взяла воды, сделала состав, плеснула в глаза собаки и сказала: «Если собака, останься псом, а если человек, дак превратись в человека». Собака сделалась человеком» (Онч. N 247).

Определить мифологические аспекты этого персонажа не представляется возможным, поскольку мы не можем считать эту сказку сохранившей архаические черты. Нам кажется, что этот тип волшебной сказки вырос из бывальщины (достаточно достоверного рассказа о контактах с мифологическим персонажем), претерпев некоторые изменения. В русском фольклоре существует большое количество быличек и бывальщин об оборотнях-волках (волкодлаках, вовкулаках) – превращенных колдунами людей. Имея волчий облик, они оставляют за собой право мыслить по-человечески, понимать людской язык и не есть мертвечину. Вернуть первоначальный облик бедолагам помогает

другой колдун, обладающий большей силой, чем первый. В сказке волк трансформировался в собаку. Б.А.Рыбаков допускал, что «ряд положительных, вероятно, тотемических волчьих черт впоследствии закрепился за собакой»⁷. Волк переходит в разряд опасного зверя, врага, а собака становится священным животным. Поэтому собака в сказке творит только добро, помогает людям.

Так русская волшебная сказка полна образов, представляющих собой «заклятых» женщин и мужчин, обращенных в животных посредством магии. Мифологическую семантику некоторых из них трудно определить, другие же сохраняют в своей основе архаические представления о возможном переходе из одного облика в другой, из человеческого – в животный, и наоборот, особенно при пограничных состояниях, на грани жизни – смерти (подросток – взрослый человек, женщина – мать).

Примечания

¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян, С. 594 – 595.

² Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки, С.

³ Там же, С.40 – 97.

⁴ Рыбаков Б.А. Указ. соч., С. 34 – 36, 143.

⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу.- Т.3 – С.547.

⁶ Сказка взята из сборника «Русское колдовство, ведовство, знахарство».- С.372.

⁷ Рыбаков Б.А. Указ. соч., с. 584.